

Е. А. ИГУШЕВ (Сыктывкар)

СТИЛИСТИКА ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ КОМИ ЯЗЫКА

В основе стилистики, как известно, лежит синонимия. Разновидность синонимов представляют грамматические варианты, т. е. функционально-тождественные грамматические единицы с регулярным несовпадением грамматических форм. Эти варианты, отличаясь от иных параллельных средств речи, отвечают следующим требованиям: критерий грамматической системности, взаимозаменяемость, функциональная эквивалентность грамматических значений в рамках сравниваемых контекстов, однородность последних, однородность сравниваемых грамматических структур (Граудина 1980 : 175).

У коми прилагательных имеются вариантыные формы, с помощью которых говорящий реализует свое отношение к высказываемому. К таковым, выступающим в двух вариантах, относятся некоторые слова со словообразовательными суффиксами *-i* и *-id*: *vesni* и *vesnid* 'тонкий', *veknii* и *veknid* 'узкий', *koknii* и *koknid* 'легкий' и т. д. Хотя на первый взгляд мы имеем дело с абсолютными синонимами, все же прилагательные с основой на *-i* стилистически нейтральны, а их варианты с *-id* более выразительны. При образовании от этих прилагательных диминутивных форм оценочные суффиксы присоединяются к основе с *-id*, как более выразительной: *veknidik* 'узенький', *vesnidik* 'тоненький'. Иногда с присоединением суффиксов оценки компонент *-id-* и его вариант *-ed-* восстанавливаются в тех прилагательных, стилистически нейтральная форма которых имеет уже односложный корень: *jon* 'сильный', но *jonidik* 'сильненький', ср. лл. *kosod* 'сухой' — лит. *kos*, лл. *пелькыд* 'опрятный' — лит. *пельк* (Жилина 1985 : 53); *Косодіник Тынбай вöлі челядльöн кодь чужöма* (Изьюров 30) 'Сухощавенький Тынбай был с лицом ребенка'.

Диминутивный суффикс *-ik* имеет варианты: *-nik* и *-inik*; *-ik* обычно присоединяется к дву- и многосложным основам: *jezid* 'белый' — *jezidik* 'беленький'; *-nik* к двусложным словам с основой на гласный: *miča* 'красивый' — *mičanik* 'красивенький', а *-inik* к односложным корням: *bur* 'хороший' — *burinik* 'хорошенький'. В данном случае компонент суффикса *-in-* является словоуполнителем, как венг. *csoda* 'чудо' при односложных вопросительных местоимениях *ki* 'кто' — *kicsoda* 'кто такой', *mi* 'что' — *micsoda* 'что такое' (Майтинская 1955 : 194).

Для большей выразительности к многосложным основам может присоединяться диминутивный суффикс с компонентом-словоуполнителем *-in-*: *Урöсiник пожöм дорын том вöрыс мисьтöмджык жö и сулалö* (Торопов 21) 'Вокруг безобразенькой сосны молодой подлесок такой

же невзрачный стоит'. Пользуясь *-ник*, автор показывает участливое отношение к лесу, растущему в неблагоприятных условиях; он присоединяет его к *урõс* 'безобразный', которое обычно в диминутивной форме не употребляется.

Коми прилагательные с помощью суффикса *-а* образуются почти от всех существительных. Яркий стилистический оттенок получают относительные прилагательные, образованные таким способом от соматических существительных: *юра* 'умный (досл. имеющий голову)', стилистически нейтральное соответствие ему *гõгõрвоись* 'понимающий'; *вома* 'сварливый (букв. имеющий рот)' при нейтральном *видчись* букв. 'ругающийся'. Такие прилагательные могут иметь эпитеты, подчеркивающие отношение говорящего к объекту речи: *ас ныра* 'упрямый (букв. имеющий собственный нос)', *чõскыд вома* 'сластена (досл. имеющий вкусный рот)'. Данный словообразовательный тип довольно продуктивен в современном коми литературном языке: *джын вома* 'неразговорчивый (букв. имеющий половину рта)', *кын вома* 'молчаливый (букв. с замороженным ртом)', *музыкальнõй пеля* 'имеющий музыкальный слух (букв. с музыкальными ушами)'. Не менее выразительны прилагательные, образованные этим способом от существительных, обозначающих названия человека, когда они выступают в роли субъекта: *Волис пистолетаыс да чорыда тшõктис*, *мед вõли став вõрсõ пõрõдõма* (Торопов 21) 'Приезжал обладатель пистолета (букв. имеющий пистолет) и крепко-накрепко приказал вырубить весь лес'. Для создания комического эффекта используются прилагательные, образованные от собственных имен с помощью суффикса *-а*: *Мамõ рытнас печканõн петис*, *Ваня кампетсõ сьõрсьыс босьтис* (Лыткин 198) 'Мать вечером вышла с прялкой, взяв с собой конфету, на обертке которой был изображен Ваня (букв. конфету, имеющую Ваню)'.

В коми языке сравнительная степень прилагательных образуется синтетически и аналитически. Первоначальный финно-угорский суффикс компаратива **-mp-* в результате деназализации и отпадения конечных гласных получил форму *-ib*, *-eb*: *terib* 'быстрый', *turëb* 'вьюжный' и т. д. Эти форманты ныне уже не используются для передачи компаративных отношений, хотя лексическое значение этих прилагательных указывает на избыточный признак (Лыткин 1977 : 51). Синтетическую форму компаратива образует теперь суффикс *-vjk-*, а аналитическую — сочетание прилагательного в положительной степени с существительным в элативе: *шондi югыд тõлысьысь* 'солнце ярче луны (досл. яркий луны)'. Этот способ тоже древен (ОФУЯ 279). Аналитические формы компаратива по сравнению с синтетическими менее употребительны, следовательно, они выразительнее и характерны для поэтических произведений: *Кõсья ме сьыланкыв тэчны Асья шондi югõрысь мичаõс* (Лыткин 83) 'Хочу я песню сложить, красивее луча утреннего солнца, красивее, чем луч солнца'. Расположение вариантов по убыванию их частоты совпадает с усилением социально-стилистической оценки. Более редкие варианты на фоне употребительных часто воспринимаются как стилистически окрашенные и непривычные (Граудина 1980 : 178).

Превосходная степень прилагательных образуется с помощью частицы *medša* или приставки *med* 'самый': *medša bur*, *medbur* 'самый лучший' < *bur* 'хороший' (Лыткин 1977 : 48). Форма с приставкой стилистически нейтральна, с частицей — более экспрессивна: *Медся сьõкыд сэки овны*, *Кодыр йõзлы он кут ковны* (Попов 19) 'Самая тяжелая доля того, кто более не нужен людям'. Большие выразительные возможности предоставляют формы субъективной оценки превосходной степени. К ним относятся сочетания прилагательных в элативе, имею-

ших в качестве определения существительные со значением степени признака: *айтэм-мамтэм олэмьыс из чорыдсьыс чорыд, сир курыдсьыс курыд* (Сахарова, Сельков 1976 : 59) 'Жизнь без родителей жестче жесткого камня, горше горького дегтя'. При восприятии чужой речи большая роль отводится грамматическим формам, обозначающим степень признака и способствующим выявлению не только предметно-логической, но и эмоциональной, оценочной и эстетической информации (Арнольд 1981 : 138). В коми языке в роли грамматических форм, обозначающих степень признака, могут выступать качественные прилагательные, обозначающие размер, цвет, форму, внешний и внутренний вид предмета и т. д. Например, *ён* 'крепкий' в обиходной речи используется для выделения степени признака: вв. *Вабыс ён дас сантиметра тудома* 'Воды прибыло на верных 10 см (досл. на крепкие 10 см)'; *ён* выражает уверенность, достоверность, стилистически нейтральное соответствие — *абу этишаджык* 'не меньше'. *Кузь* 'долгий' может быть употреблено как определение к отвлеченному существительному для передачи отношения автора к сообщению: уд. *Кузь апрель чож эз вузавны йов* 'В продолжение долгого апреля не продавали молока'. Автор считает нужным определением 'долгий' подчеркнуть свое недовольство плохой торговлей. Слово *катыд* 'вверх по течению' в речи коми, живущих в бассейне Печоры, Нижнего Приобья, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, выступает в стилистически подчеркнутым значении 'южный', так как упомянутый регион находится южнее по отношению к территориям ниже по течению: *Шоныд катыд муысь воас Тэныд дзоля чой* (Истомин 19) 'Из теплой земли, выше по течению, к тебе вернется младшая сестра'. В коми диалектах *тишк* обозначает закрытое состояние глаз (ССКЗД), в устойчивых сочетаниях оно имеет более широкое значение 'одетый': *Кынёмьид пёт, вылысыд тишк* 'Желудок твой полон, тело одето (досл. верх твой покрыт)'. Коми *тишк* в родственных языках соответствуют удм. *йоксаны* 'закрывать, заткнуть, закупорить', фин. *sokko* — *sokon* 'жмурки', *sokea* 'слепой' (КЭСК). В украинном диалекте коми языка сохранилось древнее значение — быть телу облеченному одеждой, подобно глазу, закрывающемуся веком. Архаическое прилагательное в устойчивом сочетании выражает афористичность.

При обозначении степени признака предмета связь между компонентами стилистического ядра (определением) и стилистической периферией (определяемым) приобретает экспрессивность, благодаря алогизмам, сравнениям, казалось бы, совершенно несравнимых явлений, метафорам, метонимии и др. Ряду грамматических вариантов коми прилагательных, а именно, архаическим, диалектным и просторечным, присуща узуальная стилистическая окраска, они получают коннотацию, когда подчеркнуты автором, «выводятся из автоматизма восприятия, внимание на них задерживается и достигает высокой своей силы и длительности» (Шкловский 1966 : 343).

Коми числительные, их грамматические варианты, указывающие лишь на отвлеченное количество или порядок предметов при счете, часто используются в качестве экспрессивных средств. Так, *ети* 'один', помимо главной функции, употребляется в роли усилительной частицы 'даже, только': иж. *ети vit minitse in viche* 'даже пяти минут не подождали (букв. один пять минут)'. Подобное использование числительных встречается и в родственных языках, например, эст. *kas ei vöinud oodata üks viis minutit* 'не мог каких-то пять минут подождать (букв. один пять минут)', *üks kümme rubla* 'примерно 10 рублей (букв. один 10 рублей)'. Белс. *üks* 'один' во множественном числе употребляется в таком же значении: *ükted sabransijad geiba* 'одни лишь подстожья

остались' (Зайцева 1981 : 207). Используя числительное *ęfi* в роли усилительной частицы, говорящий выражает свою эмоциональную оценку сообщаемого. Оно может играть и роль неопределенного местоимения 'какой-то': *Ќти сиктын, ѳти грездын бура олїсны кык вок* (Лебедев 1977 : 3) 'В каком-то селе, в какой-то деревне хорошо жили два брата (досл. в одном селе, в одной деревне)'. В этом плане *ęfi* функционально близко к венгерскому неопределенному артиклю *egy*, восходящему к числительному со значением 'один' (Майтинская 1979 : 174). Употребление *ęfi* с отвлеченными существительными придает выражению приподнятость: иж. *ęfi mort olemte kučke olam* 'одну человеческую жизнь как-нибудь проживем' (говорит девушка при насильном выдавании ее замуж), здесь *ęfi* представлено как минимальная мера времени в противопоставление вечности.

Порядковое числительное *ętięd* 'первый' употребляется лишь в составных числительных: *das ętięd* '11-й', *kїz ętięd* '21-й' и т. д., в значении 'первый' — супплетивная форма *medvožza*, а также русское заимствование *pervoj*, русизм обычно используется при обозначении школьного класса, качества предмета, товара: *pervoj klaš, pervoj sort*. Исконная форма *medvožza* по сравнению с русизмом стилистически выразительнее благодаря прозрачной этимологии: усилительная частица *med* 'самый', *vož* 'рань, перед', *-a* — суффикс (Серебренников 1963 : 226). Эта форма числительного употребительна в афоризмах: иж. *kučem medvožza kelesaїs, sečem i medberjaїs* 'каково переднее колесо, таково и заднее'.

Числительное *kїk* 'два', кроме основной функции, может употребляться в значении 'много, сильно'; иж. *kїk mižlem mižlim* 'сильно уставали (букв. две усталости уставали)', *top kїk vomen šorñite* 'с большой охотой беседует (букв. будто двумя ртами говорит)'. Эта форма экспрессии зафиксирована лишь в северных диалектах, где отмечается значительный карело-вепсский элемент (Лыткин 1956 : 109), очевидно, здесь речь идет о былом заимствовании из карельского, ср. совр. кар. *on nahnñn kakši koñua* 'было у нее немало горя (букв. видела она два горя)' (Федотова 1978 : 109).

Слово *kujim* 'три' имеет фонетические варианты: порядковая форма образуется чередованием гласного корня *u—o*: *kojmed* 'третий', что объясняется исторически: в основах пермских слов произошло сужение гласных, но в деэтимологизированных словах гласные остались без изменения: *kujim*, но *komñn* '30', ср. фин. *kolme*, эст. *kolm*, венг. *három* (ОФУЯ 175). В стилистически нейтральном виде порядковое числительное от *kujim* имеет форму *kojmed*, но при особом выделении используется вариант *kuimed*: *Война помыс матын эз на тыдав, нелямын куимѳд во на сулалїс* (Юшков 1987 : 17) 'Конца войне не было видно, стоял еще 43-й год'. Медленное течение времени автор подчеркивает не только глаголом *сулалїс* 'стоял' в сочетании с *во* 'год', но и формой числительного *куимѳд*: фонема *u* имеет более напряженную артикуляцию по сравнению с фонемой *o* (СКЯ 51). Числительное *šurs* 'тысяча' — иранское заимствование (Лыткин 1958 : 20) — сосуществует с русским заимствованием *tišeča*, наиболее употребительным и нейтральным в стилистическом отношении, *šurs* более архаично и выразительно, оно встречается в составе идиом *šurs setana* 'тысяча чертей (букв. тысяча сатан)', в публицистике, художественной литературе: *Сюрс кывъя тѳдѳ мир* (Юшков 1972 : 29) 'Знает мир тысячеязычный'.

Числительные, обозначающие полные десятки: *'kiž '20', komiñ, уд. komiž '30', nelamiñ '40', vetimiñ '50', kvažiimiñ '60'* в настоящее время являются простыми словами, так как компонент *miz* (Orbán 1932 : 57), *mīñ < mīnda* 'количество' (КЭСК) уже не поддается этимологизации без сравнительно-исторического анализа. Эти числительные стилистически нейтральны, для большего выделения количества используются грамматические варианты, представляющие собой сочетания названий единиц с лексемой *das* 'десять': *kik das* вместо *kiž '20'* и т. д.: *Kodi õni tyrtö vitöd das, Talяlis фашизмлысь ёром тас* (Юшков 1972 : 41) 'Кто теперь на пороге пятого десятка, тот растоптал проклятую свастуку фашизма'.

Грамматические варианты характерны и для коми местоимений. Вопросительное слово *kodi* 'кто' в падежной парадигме имеет две основы: в номинативе *kodi*, в косвенных падежах *kod: kodleñ 'у кого', kodli 'кому'* и т. д. Его суффикс *-i* восходит к уральскому местоименному суффиксу **j > i*, который использовался в сфере вопросительных слов (Майтинская 1979 : 204), он обнаруживается и в составе коми вопросительных *mij, mej, maj, miј 'что'* (Lehtisalo 1936 : 386). Первоначально суффикс *-i* имел выделительное значение, служил эмфатической частицей, с его помощью образовались коми указательные местоимения *sije 'он, она, оно', naje 'они'* от ф.-у. **se-, *ne-*. Вопросительное слово *mij* в современном коми языке уже не употребляется без *-j-*, хотя в родственных языках выступает без этого аффикса, ср. удм. *ta*, мар. *to*, эст. *mis*, фин. *mikä*, венг. *mi* (КЭСК). У *mij* выделительная функция уже отсутствует, но в *kodi*, особенно в приставочных и суффиксальных формах, отчетливо видна: *Озыр Паш надзöникöн восьтис шапкасö, а сэни некöди абу* (Пылаева 20) 'Богач Паша потихонечку приподнял шляпу, а там никого нет (досл. совсем никого)'.

Суффикс *-i* встречается и в других местоимениях с присущим ему оттенком выделения: *kor 'когда', но kori 'когда именно', kin 'кто', но kini 'кто именно'* и др. *Кори ме лыи, ошкыслöн тшöка лыясис кыкнанныс чегöмны* (Сорвачева, Жилина 1971 : 155) 'Когда (букв. когда именно) я выстрелил, медведю обе челюсти перебило'; *Кини сэтшöм, ог тöд, миян бөрöд* (Куратов 320) 'Кто таков (букв. кто именно таков) за нами, не знаю'.

В коми языке possessивные отношения выражаются с помощью не только притяжательных местоимений, но и признака указательного склонения, образованного из указательных местоимений по внутренним законам развития, как и в мордовских языках (Аристэ 1955 : 285). Используя притяжательные местоимения в тех случаях, когда достаточно было бы к существительному добавить конечный артикль *-ыд, -ыс* (Серебрянников 1963 : 129) или вообще обойтись без определителя, говорящий выражает свое отношение к тому, с кем или о чем идет речь, давая тем самым оценку данному человеку или явлению. Коннотация здесь приобретает оценочное значение (Гомберг 1975 : 125): *Вöтлы вöвтö, абу таті тэнад туйыд* (Юшков 1987 : 14) 'Гони коня, не здесь твоя дорога', притяжательное местоимение *тэнад 'твоя'* избыточно, так как на отношение к *туй 'дорога'* уже указывает *-ыд*, обозначающий принадлежность 2 л. ед. ч. Но *тэнад* находит стилистическое использование: персонаж проявляет недовольство собеседником.

Неопределенные местоимения *kodke 'кто-то'* и *kodšure 'кое-кто', mijke 'что-то'* и *mijšure 'кое-что'* и т. д. находятся в синонимических отношениях, различаясь суффиксальными морфемами: *-ke* восходит к уральской основе **-kə* (Майтинская 1979 : 225), а *-šure* — к форме

3 л. ед. ч. наст. вр. от *šurnj* 'найтись' (Серебренников 1963 : 212). Местоимения с суффиксом *-ke* обычно выступают в стилистически нейтральном значении. В формах с *-šurg* лексическое значение глагола еще полностью не грамматикализовалось, поэтому в сознании говорящего данные местоимения стилистически снижены, получают коннотацию чего-то собранного в спешке; *Кодсюрõс сõмын лёка олоны, кодi ышнясьõ верõс водзас велõдчõмнас да удждоннас* (Юшков 1976 : 102) 'Кое-кто лишь живет плохо, кто чванится своей образованностью да зарплатой перед мужем'.

О древности местоимений говорит наличие супплетивных форм в их склонении, падежные суффиксы коми местоимений и существительных не совпадают (Лыткин 1977 : 54). В диалектах (вым., иж.) отдельные падежные формы личных местоимений 1 и 2 л. мн. ч. и существительных совпадают, например, в комитативе вместо лит. *миянкõд* 'с нами' — *miked, mikednum*, вместо *тиянкõд* 'с вами' — *tiked, tikednijd*, в абессиве вместо лит. *миянтõг* 'без нас' — *miteg, mitegjanum* и т. д., т. е. добавляются падежные суффиксы к корню местоимения, не осложненному морфемой *-ян-*, как и к существительным. В просодических и версификационных целях поэты вместо сложных супплетивных форм используют простые: *Муса нылõ, мычы миль Кыпыд оломтõ* (Куратов 200) 'Милая девушка, покажи нам девичий задор'. Автор форме *миянылы* 'нам' предпочел *милы* то же. *Кодi думнас война ёрõ, Мила дорõ* (Чисталев 19) 'Кто в мыслях проклинает войну, К нам'. Вместо *мияныла дорõ* 'к нам' — краткое *мила дорõ* то же. Лаконичные варианты формы делают стихи динамичнее, выразительнее. Писатели не могут изменить ни фонетики, ни морфологии, но если они будут далеки от повседневного литературного языка, если не окажут воздействия на нашу обычную речь, то язык, которым мы постоянно пользуемся, станет бедным и невыразительным (А. Meillet 1928 : 64).

Для придания речи большей выразительности иногда местоимения одного разряда употребляются в функции слов другого разряда. Так, вопросительное *tij* 'что' используется как местоименное наречие *tijla* 'почему': *Мый сэн падмид?* (Елькин 32) 'Почему (досл. что) вы там растерялись?'. Местоимение *мый* может употребляться и в значении *мыйта* 'сколько', указывающего на меру и степень действия: *Томджык нывъяс верõс сайõ Мый нин муналис* (Куратов 44) 'Девушек помоложе сколько (досл. что) уж вышло'. Подобное использование местоимений встречается и в родственных языках, ср. мар. *mo tij ot kaj* 'что ты не идешь' вместо требуемого грамматикой *molan tij ot kaj* 'почему ты не идешь?', эст. *mis kell on* 'что час?' вместо *kui palju kell on* 'который час?' (Valmet, Uuspõld, Turu 1981 : 76). В подобных случаях, видимо, играет роль закон экономии, когда из грамматических вариантов язык выбирает кратчайшие.

Посессивные суффиксы, присоединяемые к личным и притяжательным местоимениям, будучи избыточными, стилистически подчеркивают выразительность сообщения. В сочетании с местоимением *ме* 'я' морфема *-õй*, указывающая на 1 л. ед. ч., делает высказывание эмоционально приподнятым, местоимения подобных форм обычно входят в арсенал народных величальных песен, плачей, причитаний: *Гашкõ, лõзов чõд тусь пивн Быдми меõй вõр туй бокин* (Чисталев 30) 'Внутри синей ягоды-черники, у лесной тропинки, быть может, вырос я (досл. я собой)'.

Коми местоимения могут иметь усеченную форму и тем самым быть выразительнее: *Сийõ вõли сэтчань царь* (Куратов 302) 'Он был царь тех мест (досл. туда царь)'. Вместо ожидаемого инессива *сэтчаньын*

'там; в той стороне' автор использует аппроксиматив *сэтчань* 'туда', что экономнее, удобнее в просодическом отношении, в данном случае выступает грамматическим вариантом инессиву, тем более что на местоположение субъекта указывает глагол *вöлі* 'был', подчеркивающий пребывание персонажа в статичном состоянии.

Итак, варианты грамматических форм современного коми языка служат развитию его выразительных возможностей.

Сокращения

Диалекты коми языка: **вв.** — верхневычегодский, **вым.** — вымский, **иж.** — ижемский, **лл.** — лузско-летский, **уд.** — удорский.
Елкин — В. Елкин, Шуд вöсна, Сыктывкар 1962; **Изъюров** — И. Изъюров, Куим лун да куим вой. — «Войвыв кодзув», Сыктывкар 1975, № 5; **Истомин** — И. Истомин, Чужан му. — «Войвыв кодзув», 1984, № 4; **КПП** — Ф. Плесовский, Коми пословицы и поговорки, Сыктывкар 1983; **Куратов** — И. Куратов, Менам муза, Сыктывкар 1979; **Лыткин** — В. Лыткин, Дзордзав жö, Коми му, Сыктывкар 1985; **Попов** — С. Попов, Кывбуръяс, Сыктывкар 1974; **Пылаева** — С. Пылаева, Эзысь пöрт, Сыктывкар 1987; **Торопов** — И. Торопов, Ме верманин, батыö. — «Войвыв кодзув», 1986, № 11; **Чисталев** — В. Чисталев, Менам гора тулыс, Сыктывкар 1979; **Юшков** — Г. Юшков, Кывбуръяс, Сыктывкар 1972; **Ловъя лов**, Сыктывкар 1976; **Рöдвуж пас.** — «Войвыв кодзув», 1987, № 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристэ П.** 1955, Примечания. — Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, Москва.
Арнольд И. В. 1981, Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования, Ленинград.
Гомберг Е. И. 1975, Стилистические функции местоимений в современной английской и американской прозе. Автореф. канд. дисс., Рига.
Граудина Л. К. 1980, Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты, Москва.
Жилина Т. И. 1985, Лузско-летский диалект коми языка, Москва.
Зайцева М. И. 1981, Грамматика вепского языка, Ленинград.
Лыткин В. И. 1956, Карело-вепские заимствования в коми языке. — Академику В. В. Виноградову, в честь его 60-летия, Москва.
 — 1958, Историческая грамматика коми языка, ч. I. Введение, фонетика, Сыктывкар.
 — 1977, Коми кывлön исторической морфология, Сыктывкар-Пермь.
Майтинская К. Е. 1955, Венгерский язык, Москва.
 — 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
Основы финно-угорского языкознания, вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974 (= ОФУЯ).
Сахарова М. А., Сельков Н. Н. 1976, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар.
Серебrenников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
Современный коми язык, ч. I. Фонетика и морфология, Сыктывкар 1955 (= СКЯ).
Сорвачева В. А., Жилина Т. И. 1971, Образцы коми-зырянской речи, Сыктывкар.
Федотова В. П. 1978, Семантические и грамматические типы карельских глагольных фразеологических единиц. — СФУ XIV, 107—111.
Ходовая К. И. 1971, К проблеме славянской синонимии. Синонимичность как стадия развития системы. — Советское славяноведение № 1, Москва.
Шкловский В. Б. 1966, Жили-были, Москва.
Lehtisalo, T. 1936, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu).
Meillet, A. 1928, Mélanges. — Revue de philologie française, N 1, Paris.
Orbán, G. 1932, A finnugor nyelvek számnenei, Bratislava.
Valmet, A., Uuspõld, E., Turu, E. 1981, Eesti keele õpik, Tallinn.

J. A. IGUŠEV (Syktyvkar)

DIE STILISTIK DER GRAMMATISCHEN VARIANTE
DER KOMI-SPRACHE

Die Adjektive der Komi-Sprache haben unterschiedliche Formen *-i-* und *-id*. Die Formen auf *-id* sind ausdrucksvoller, z. B. *vesni* 'dünn' und *vesnid* 'sehr dünn'. Verschiedene Zahlwörter dieser Sprache können eine stilistische Nuance aufweisen, z. B. *kik* 'zwei' kann in bestimmten Wortverbindungen 'viel, sehr' bedeuten: z. B. *kik polim* 'wir hatten sehr Angst', buchstäblich 'zweierlei Angst'.

Das unbestimmte Pronomen *kodeg²* 'jemand' hat eine neutrale Bedeutung, aber das Synonymwort *kodešurğ* 'irgend jemand' ist stilistisch abwertend.